

Обсуждение идей Л.С. Выготского в контексте нашего времени

Валерия Мухина

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ О ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: УНИКАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ Л.С. ВЫГОТСКОГО К ПРОДУКТИВНОМУ ДЛЯ НАУКИ ОВЛАДЕНИЮ ЗНАЧИМЫМИ ИДЕЯМИ

Аннотация. Показана редкая способность Л.С. Выготского овладевать знаниями, которые ученый открывал для себя при интенсивном изучении современных ему философских и научных идей из разных областей познания человека как личности.

Обсуждаются труды Л.С. Выготского, в которых формулируются методологические и теоретические основания к презентации основополагающих идей, объясняющих: развитие высших психических функций; значение знаковой функции сознания; развитие личности; орудие и знак в развитии ребенка; обучение, ведущее за собой развитие; историческое преобразование инстинктов; показывающих, как в процессе развития психических функций ребенка сменяется их ведущая роль: от восприятия к памяти и др.

Показан ряд направлений развития идей Л.С. Выготского в теориях и эмпирических исследованиях его соратников, учеников и последователей в отечественной и зарубежной психологии и в других заинтересованных науках.

Ключевые слова: высшие психические функции; развитие личности; орудия психической деятельности; знаковая функция сознания;

слово как знак; рефлексия; обучение и развитие; инстинкты; культурное преобразование инстинктов.

Abstract. Special capability of L.S. Vygotsky to master knowledge that scientist discovered when studying intensively contemporary philosophical and scientific ideas from different areas of studying man as a person are shown.

L.S. Vygotsky's works in which methodological and theoretical grounds for presentation of basic ideas explaining development of higher mental functions, meaning of consciousness's sign function, person's development, tools and signs in child's development, role of education in child's development, historic transformation of instincts, changing of their leading role from perception to memory in person's development, etc. are discussed.

Several trends in the development of L.S. Vygotsky's ideas in theories and empiric researches of his associates, pupils and followers in domestic and foreign psychology and other sciences are shown.

Keywords: higher mental functions; development of personality; tools of mental activity; sign function of consciousness; word as a sign; reflection; education and development, instincts; cultural transformation of instincts.

Истинная наука – та, которую опыт заставил пройти сквозь чувства и наложил молчание на языки спорщиков и которая не питает сновидениями своих исследователей, но всегда от первых истинных и ведомых начал продвигается постепенно... к цели.

Леонардо да Винчи.
Избранные произведения

Каждый психолог... должен признать то большое влияние, которые оказали на него труды Льва Семеновича Выготского.

Дж. Брунер

Выготский был гениальным оппонентом.

М.Г. Ярошевский

1. Способность к продуктивному овладению значимыми идеями, рожденными в сферах науки

Уникальная способность глубоко осваивать пластины знаний о феномене человека

Лев Семенович Выготский в моем самосознании – некий уникум*. Этот удивительный человек обладал уникальной способностью за весьма короткое время освоить

* Уникум (лат. unicum) – необыкновенный, неповторимый, единственный в своем роде.

Пути восхождения
в сферы наук
о человеке

огромные пласти знаний из многих сфер философии и наук, изучающих феноменологию человеческой сущности.

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского наглядно показывает философам, физиологам, культурологам, социологам, психологам и педагогам три пути его вхождения и восхождения в сферы наук о человеке.

Первый путь – овладение знаниями, которые учёный открывал для себя при интенсивном изучении современных ему философских и научных идей из разных областей изучения человека как личности.

Л.С. Выготский глубоко изучал развитие общих идей о человеке в философии и науках, заинтересованных в познании феномена человека как личности.

Второй путь – создание фундаментально значимых концепций: 1 – орудия психической деятельности (значение знаков и знаковой функции сознания); 2 – высшие психические функции (восприятие и др.).

Третий путь – направления развития идей Л.С. Выготского в теориях и эмпирических исследованиях его соратников, учеников и последователей в отечественной и зарубежной психологии и в других науках, заинтересованных в изучении человека.

Он осваивал знания из биологии, физиологии, генетики, психологии, социологии, культурологии, психолингвистики, искусства, литературы и литературоведения, истории, антропологии и многих других наук.

Философию Л.С. Выготский изучал начиная от Сократа (469–399 до н.э.), Платона (427–347 до н.э.) и Аристотеля (384–322 до н.э.) и далее, вплоть до И. Канта (1724–1804), О. Конта (1798–1857), Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895), и заканчивая работами современных ему философов.

В физиологии истинными авторитетами для Л.С. Выготского являлись И.М Сеченов (1829–1905), И.П. Павлов (1849–1936) и В.М. Бехтерев (1857–1927), постоянно находившиеся в поле его пристального научного внимания.

Биологи и эволюционисты – Ч. Дарвин (1809–1882), Э. Геккель (1834–1919), Х. Де Фриз (1848–1935) и другие – со всеми их грандиозными положениями и частными наблюдениями – также не были обойдены вниманием гения Л.С. Выготского, считавшего их идеи значимыми для понимания особенностей эволюционного развития человека [1, с. 20–32].

Психологи и их концептуальные идеи всех научных школ и направлений его времени – еще один предмет углубленного изучения Л.С. Выготского:

- *биологизаторы*: В. Штерн (1871–1938), К. Бюлер (1879–1963), Дж.М. Болдуин (1861–1934), Д. Селли

Вхождение в сферы
философии и наук
о человеке

Физиология
и биология

Психология:
биологизаторы
и бихевиористы

(1843–1923), З. Фрейд (1856–1939) и др., утверждавшие, что все особенности психических процессов, состояний и свойств человека определяются особенностями биологической структуры, а их развитие подчинено исключительно биологическим законам;

- **бихевиористы** – представители ведущего направления в американской психологии и социально-политической позиции XX века, изучающие *поведение* в различных ситуациях и аспектах. Основатель этого направления и экспериментатор – Дж.Б. Уотсон (1878–1958), его единомышленники – Э. Торндайк (1874–1949), Ч. Шерингтон (1857–1952) и др.

Социология

Социологи: идеи О. Конта, А. Кетле (1796–1874) Э. Дюркгейма (1858–1917), Л. Леви-Брюля (1857–1939), Дж.М. Бодуина и других дали Л.С. Выготскому основания размышлять о социальной природе человека и его личностных особенностях в качестве так называемой *социальной единицы* [2, с. 58].

Перечень имен ученых и отраслей наук, заинтересованных в изучении феномена человека как личности, можно было бы продолжать и продолжать. Однако правильнее обсуждать те идеи, которые были специально выделены Л.С. Выготским и которые стали фундаментальной основой побуждения к развитию его собственного видения сущностных особенностей эволюционной и исторической природы человека.

Начнем с самого начала.

Вслед за Платоном и Аристотелем многие поколения мыслителей неустанно искали ответы на вопросы, связанные с постижением феномена человека [3, с. 116].

Так сложилось в моем отечестве, что многие десятки лет наши философы и ученые, заинтересованные в понимании феномена человека, апеллировали, прежде всего, к его видению в философии К. Маркса и Ф. Энгельса. Во всяком случае, наша отечественная психология, в первую очередь, исходила из идей этих немецких мыслителей.

Следует указать на тот факт, что Карл Маркс создал философию, практическое приложение которой во многом способствовало переустройству духовного и политического образа мира. Своей законченной на тот исторический период формы материализм достиг в диалектическом материализме, разработанном Фридрихом Энгельсом.

К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили специальных трудов по исследованию человека как личности, однако развитию человека, его социализации они посвятили многие свои работы. Человек в его исторически детер-

Поиск ответов
на вопросы,
связанные
с постижением
феномена человека

Философия
К. Маркса способ-
ствовала переустрой-
ству духовного
образа мира

Центральная идея
К. Маркса
и Ф. Энгельса –
человек в его
的独特性

минированной уникальности – центральная идея этих философов [4, с. 230]. Можно сказать, что сам человек в уникальности своей социально-исторической природы вынашивал *сверхидею* о своей природе, прорастающей в сфере долговременного интеллектуального постижения не сразу поддающейся ему истины.

Сущность человека – совокупность всех общественных отношений

Следует не забывать положения К. Маркса о том, что «*сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений*» (курсив мой. – В.М.) [5, с. 3].

К. Маркс и Ф. Энгельс размышляли о социальной сущности потребностей человека, полагая, что они развиваются в соответствии с *новыми способами производства*, определяя «*новое проявление человеческой сущностной силы и новое обогащение человеческого существа*» [6, с. 128].

Марксизм исходил из анализа человека как части общества, части рода, утверждая, что «*развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов... <...> История отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествующих или современных ему индивидов, а определяется ею*» (курсив мой. – В.М.) [7, с. 440]. В этих философских мыслях таилась для Л.С. Выготского идея социальной сущности человека. Он писал: «*Изменяя известное положение Маркса, мы могли бы сказать, что психическая* природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры. ... Мы видим в этом положении наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития*» [8, с. 146]. Проникновение в глубинную суть идей авторитетных для него мыслителей всегда отличало глубокий интеллект Л.С. Выготского.

К чему приводит нас история культурного развития

Несколько позже, в другой стране, на другом языке о социальной сущности человека размышлял еще один глубокий ученый. Основатель французской социологии Эмиль Дюркгейм полагал, что социальная реальность обладает самостоятельной характеристикой. Речь шла о совокупности социальных факторов, не сводимых только к физическим, психологическим, экономическим и другим факторам действительности.

* В первом издании «Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов» (М., 1960. – С. 198) речь шла о «*психологической природе человека*».

Типы социального поведения находятся вне индивида и наделены принудительной силой

Л. Леви-Брюль о высших умственных функциях

Задаваясь вопросом о том, что такое социальный факт, Э. Дюркгейм (еще в XIX веке) отмечал важность того, что «общество очень заинтересовано в том, чтобы все функции... человека отправлялись регулярно, а поведение соответствовало бы социальным ожиданиям» [9, с. 69]. Социолог выражал уверенность, что «нам неизвестны детали налагаемых на нас обязанностей и для того, чтобы узнать их, мы вынуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем *находит уже готовыми* верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют *вне его*» (курсив мой. – В.М.) [Там же]. Далее ученый утверждал: «Эти типы поведения или мышления не только находятся вне индивида, но и наделены *принудительной силой*, вследствие которой они *навязываются** ему независимо от его желания» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 69–70]. При этом Э. Дюркгейм уточнял, что обычно «это *принуждение* мало или совсем не ощущается». На это обстоятельство следует обратить специальное внимание.

Идеи Э. Дюркгейма и М. Мосса (1872–1950) не остались равнодушным французского философа, социолога и этнографа Люсьеана Леви-Брюля [10, с. 107, 350–351]. В то же время Л. Леви-Брюль ориентировался на мысль французского философа, основателя позитивизма и

* Идея о принудительной силе условий и навязывании их каждому новому поколению была подхвачена и развита современниками и последователями Э. Дюркгейма – Л. Леви-Брюлем и Л.С. Выготским. Л. Леви-Брюль писал: «Язык навязывает себя каждой личности, он предшествует ей и переживает ее» (Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении: пер. с фр. – М., 1994. – С. 9. – Серия «Психология: Классические труды»). В то же время Л.С. Выготский, выделяя «высшие психические функции» и «высшие формы поведения», писал об их «вращении» (Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. – М., 1960. – С. 218–219, 221) и о том, что они являются «продуктом исторического развития человечества» [Там же, с. 454]. В более позднем издании речь идет о «врастании в культуру» или «в цивилизацию» (Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. – М., 1983. – С. 19, 31, 291, 303, 327). При этом Л.С. Выготский, помимо Л. Леви-Брюля, апеллировал к К. Бюлеру, который писал о столкновении природного и общественно-исторического [Там же, с. 292]. Л.С. Выготский также опирался на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о социально-исторической сущности человека и «об изменении природы человеком» [Там же, с. 56, 80, 82, 146 и др.].

социологии О. Конта. Л. Леви-Брюль писал: «Мысль, что *высшие умственные функции* должны изучаться при помощи сравнительного метода, то есть социологически, не нова. Огюст Конт ясно выразил эту идею в своем “Курсе положительной философии”*, разделяя задачу изучения между биологией и социологией. Его знаменитая формула, согласно которой “не человечество следует определять, исходя из человека, а, напротив, человека – исходя из человечества” [11, с. 11], означает, что *высшие умственные функции* остаются непонятными, если ограничиваться изучением отдельной личности» (курсив мой. – В.М.) [10, с. 11].

Заметим, что Л. Леви-Брюль ввел понятие «высшие умственные функции» в своей работе “Le surnaturel et la naturel dans la mentalite primitive” (1931). Позже Л.С. Выготский трансформировал понятие «высшие умственные функции» в понятие «высшие психические функции»**.

Я полагаю, что для развития идей последующих поколений ученых с целью расширения их научного познания чрезвычайно важно прослеживать движение основополагающих идей в сферах Великого идеополя общественного самосознания [4, с. 34 и др.].

Э. Дюркгейм, придавая социальным условиям особое значение, дал им следующее определение: «*Социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение...*» [9, с. 79].

Я исхожу из сложившейся в моем самосознании *сверхидей*: развитие личности определяется тремя сущностно значимыми факторами (генотипом, социальными условиями и внутренней позицией самой личности). При этом влияние генотипа и социальных факторов на индивида определяется в известной мере неизменным принуждением.

Французский мыслитель Э. Дюркгейм также обращался к обсуждению теории среднего человека А. Кетле, когда работал над своим социологическим этюдом о самоубийстве [12, с. 364–365].

Необходимость
познания
основополагающих
идей, находящихся
в сферах Великого
идеополя

«Человек подчинен
большим или
меньшим
уклонениям
от среднего
состояния»

* Позднее труд О. Конта был переведен как «Дух позитивной философии» (Конт О. Дух позитивной философии. – СПб., 1910).

** Монография Л.С. Выготского «Развитие высших психических функций» была написана в 1931 г., но впервые опубликована в 1960 г. (Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. – М., 1960). В книге было представлено 5 глав. Второе издание монографии под названием «История развития высших психических функций» (15 глав) вышло в 6-томном собрании сочинений (Т. 3). – М., 1983.

Ламбер Адольф Жак Кетле, бельгийский математик и социолог, выдвинул понятие *среднего человека*, обладающего средними физическими, моральными и интеллектуальными характеристиками. Согласно его пониманию, *средний человек* – «существо отвлеченное, находящееся некоторым образом в состоянии равновесия между всеми личностями того же возраста» [13, с. 93]. При этом автор выражал уверенность, что «человек подчинен большим или меньшим уклонениям от среднего состояния, и колебания его около этой средней величины совершаются по общему закону, управляющему всеми колебаниями...», которые возникают под влиянием случайных причин [Там же, с. 94]. Э. Дюркгейм рассматривал идеи А. Кетле, прежде всего, в контексте проблемы самоубийства, опуская для себя всякие другие возможные социологические проблемы среднего человека.

Обязанности социального положения действуют на нравственную сторону человека

Будучи проницательным социологом, А. Кетле весьма определенно утверждал: «Среда, в которой он (человек. – В.М.) живет, семейные отношения, религия, в которой он воспитан, обязанности социального положения – всё это действует на его нравственную сторону» [Там же, с. 100].

Я полагаю, что именно моральная (и нравственная) позиция человека, ее целостность или ее ущербность (аморализм) предопределяют судьбу человека.

Человек, будучи подчиненным множественности различных влияний, реально находится под прессингом условий – в окружении доминирующих ценностей, стереотипов поведения и эмоциональных реакций, а также под влиянием реалий, возникших в процессе исторического развития рода человеческого*.

Провозглашаемые окружающими ценности, демонстрируемые формы поведения и типичные для них реакции на возникающие ситуации выступают как типичные задаваемые условия, определяющие развитие личности и ее поведенческие реакции.

Сила внешнего
влияния на человека

В тот же исторический период (конец XIX – первая половина XX столетия) американский психолог Дж. Б. Уотсон стал основоположником нового направления психологии XX века – бихевиоризма [14].

Следует отдать должное нашим отечественным ведущим ученым – тем, чьи идеи и результаты исследо-

* Имеются в виду реалии: предметного мира, природы, образно-знаковых систем и социально-нормативного пространства (*Мухина В.С. Личность: Миры и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты)*. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2014. – С. 48–175).

ваний легли в фундаментальную основу бихевиоральной психологии. Среди этой когорты Иван Михайлович Сеченов и Иван Петрович Павлов.

И.М. Сеченов установил тесную информационную связь между сигналами из окружающего мира и центральной нервной системой человека. Он настойчиво повторял: «Если на человека действует какое-нибудь внешнее влияние... то вытекающая из этого реакция (какое ни на есть мышечное движение) соответствует по силе внешнему влиянию» [15, с. 27]. Это откровение учёного относительно связи внешних стимулов и реакции организма (относительно S→R), неоднократно повторенное им не только в обсуждаемом великом труде, но и в ряде других работ, незамедлительно стало сверхидеей для И.П. Павлова и американских бихевиористов.

Движение мышц постепенно запечатлевается сознанием

Всё многообразие внешних проявлений мозга сводится окончательно к мышечному движению

От действия к мысли и от мысли к действию

И. М. Сеченов уделял много внимания не только анализу «инстинктивного стремления ребенка подражать» [Там же, с. 61, 73], но и началу развития ребенка на первых этапах его появления на свет. Ученый внимательно исследовал «мышечное ощущение не только во времени, но и в пространстве» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 71]. Он дошел до понимания того, что *движение мышц постепенно начинает «представляться сознанию» все более определено* [Там же, с. 72]. По сути, И.М. Сеченов сформулировал идею *«от действия к мысли»*. При этом он продуцировал свою идею и на самосознание человека: «Отделением в деле ощущения всего субъективного кладется начало самоощущению, самосознанию» [Там же, с. 75].

Ученый писал: «*Всё бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению.* Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – *везде окончательным фактом является мышечное движение*» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 9]. Выдающийся физиолог, И.М. Сеченов показал очевидную возможность наблюдать и понимать внутреннюю жизнь человека на всех этапах его развития и бытия через телесные проявления.

Эта четко сформулированная мысль была достаточно известна и прежде гениям наблюдательности и мышления – *до и после* великого физиолога. Однако заново рожденная в рамках научного исследования И.М. Сеченова идея о мышечном движении, возникающем в результате эмоции или мысли, по сути своей является

значимой сверхидей не только для физиологии, психологии, философии, но и для практики. Речь идет об универсальной универсальной сверхидее.

По существу, И.М. Сеченов соединил в неразрывном единстве две сущности: «от действия к мысли» и «от мысли к действию».

Ученый полагал, что «вопрос о полнейшей зависимости наипроизвольнейших из произвольных поступков от внешних и внутренних условий человека решен убедительно. Отсюда же роковым образом следует, что *при одних и тех же внутренних и внешних условиях человека деятельность его должна быть одна и та же*» [15, с. 122–123].

Открытия
И.М. Сеченова
имели
принципиальное
значение для многих
отраслей наук

Открытия И.М. Сеченова имели принципиальное значение как в разработке новых теорий в области физиологии мозга и теории познания, так и в американском бихевиоризме. Кроме того, идеи русского ученого, очевидно, опосредованно повлияли на образ мыслей французского психолога Анри Валлона (1879–1962)*.

Внутреннее
пространство
личности

Идеи И.М. Сеченова о внешних условиях, действующих на человека, были восприняты отечественными и зарубежными мыслителями, не только сопряженными с ним в историческом времени. Эти идеи продолжают формировать самосознание ученых и XXI столетия.

В то же время идея о внутренних условиях человека получила свое развитие в наше время. Я имею в виду свою идею реальности внутреннего пространства личности [4, с. 272–315], а также другую свою идею о внутренней позиции человека как личности [Там же, с. 793–832].

Реальность внутреннего пространства человека как личности определяется индивидуальными особенностями развития всех его высших психических функций и своеобразными уникальными образованиями внутреннего мира, возникающими в индивидуальном сознании каждого отдельного человека. Я выражаю уверенность в том, что, несмотря на факт социального насилиственного давления на психику каждого отдельного человека, психические функции, между тем, осуществляются не только типическим образом, но неким способом, индивидуализирующим каждого человека в его онтогенезе [Там же, с. 272–315].

* Напрашивается аналогия идей И.М. Сеченова и А. Валлона (Wallon Henri. De L'acte à la Pensée. Essai de psychologie compare. – Paris, 1942; Валлон А. От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии: пер. с фр. – М., 1956).

Внутренняя позиция человека как личности

В то же время особой проблемой является внутренняя позиция человека как личности [4, с. 739, 793–832]. В этой связи уместно обратиться к положению К. Маркса о том, что человек делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания [5, с. 3, 93]. Феноменологическая сущность человека как личности состоит из двух составляющих: человек – всегда социальная единица; человек – всегда уникальная личность. Поэтому свободный индивид способен самоактуализироваться и стать уникальной личностью [4, с. 808–832]*.

Возвращаясь к предтечам – идеям ближайших предшественников Л.С. Выготского, следует вновь обратиться к гению И.П. Павлова. И.П. Павлов – физиолог, интересовавшийся и проблемами психологии. Он выдвинул идею об «охранительной и целевой роли торможения» [16, с. 409–421]. Эта идея сегодня лежит в основе объяснения подхода к самосознанию и самовоспитанию человека как личности.

Значение условных и безусловных рефлексов

Изучению условных рефлексов И.П. Павлов посвятил многие годы. Ученый писал: «*Условный рефлекс – это теперь отдельный физиологический термин, обозначающий определенное нервное явление...*» [17, с. 516]. При этом он полагал, что «*постоянную связь внешнего агента с ответной на него деятельностью организма можно назвать безусловным рефлексом, а временную – условным рефлексом*» [Там же, с. 519].

Физиолог показал, что «временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих» [Там же, с. 520]. При этом «условная временная связь вместе с тем специализируется до величайшей сложности и до мельчайшей дробности как условных раздражителей, так и некоторых деятельности организма...» [Там же].

В контексте погружения в проблему влияния условий на поведение я хочу обратить внимание на тот факт, что науки, заинтересованные в познании сущностной природы человека, приходят в конце концов к пониманию значения внешних условий.

Философия и науки о человеке сопрягаются друг с другом

Указывая на внешние условия и называя их *внешним агентом*, И.П. Павлов вслед за И.М. Сеченовым подтверждал их постоянную связь с реакцией организма. Таким образом, мы видим, что философия и разные науки – социология, физиология, психология и психиа-

* В этой связи следует специально осветить внутреннюю позицию истинного ученого – Л.С. Выготского, которого отличала удивительная сензитивность к продуктивным идеям иных мыслителей – представителей разных отраслей научных знаний.

Первая и вторая
сигнальные системы.
Значение слова

Субъективный мир
человека:
зависимость
от физиологических
и психических
процессов

Условия
общественной жизни
и личная сфера
человека

трия – сопрягаются друг с другом по принципу пересечения (конъюнкции) кругов Л. Эйлера при обсуждении значимой для понимания человека проблемы влияния на его поведение внешних условий общественной жизни.

Особое значение И.П. Павлов придавал чрезвычайной прибавке к механизмам нервной деятельности. Мыслитель специально обсуждал проблему взаимодействия первой и второй сигнальных систем. Он подчеркивал, что для человека, помимо первой сигнальной системы (общей у людей с животными), «слово составило вторую, специально нашу сигнальную систему деятельности, будучи сигналом первых сигналов» [17, с. 527]. Ученый сделал особый акцент на том, что «именно слово сделало нас людьми» [Там же]. Несомненно, слово для человеческого сообщества – значимая часть социальных условий, сигнал сигналов. Человеки, общаясь друг с другом посредством слова, постоянно и безусловно воздействуют на себя, друг на друга в данный конкретный момент и в проекции на будущее.

В то же время следует указать, что И.П. Павлов уделял особое внимание *субъективному миру человека*. В кругу своих единомышленников он говорил, что «глупо было бы отрицать субъективный мир. Само собой разумеется, он, конечно же, есть... <...> Психология как изучение отражения действительности, как субъективный мир, известным образом заключающийся в общие формулы, – это, конечно, необходимая вещь. Благодаря психологии я могу себе представить сложности данного субъективного состояния» [18, с. 415–416]. И.П. Павлов глубоко рефлексировал на состояние своих подопечных, находящихся в клиниках, своих сотрудников и учеников, а также на свои собственные идеи относительно закономерностей физиологии и психологии человека. Физиолог по роду своей научной деятельности, И.П. Павлов проникал и в мир субъективных состояний человека.

Следует специально обратиться к еще одному глубокому исследователю влияния внешних условий на поведение человека.

Владимир Михайлович Бехтерев, русский невропатолог, физиолог, психолог и психиатр, разрабатывал свою объективную психологию как психологию поведения, которое, однако, определяется не только «совокупностью следов от органических рефлексов», но также и *внешними раздражениями*, в том числе и *социальными условиями* [19, с. 392].

В.М. Бехтерев рассматривал социальную сферу личности, полагая: «С развитием общественной жизни

Физиологические
и психологические
методы изучения
человека

Инстинкт, дрессура,
интеллект

Психическая
природа человека
есть совокупность
общественных
отношений

личная сфера человека не ограничивается только следами психорефлексов, состоящих в соотношении с органическими воздействиями, но в теснейшей связи с ними происходит и образование следов, обусловленных теми или другими отношениями, вытекающими из *условий общественной жизни* (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 392–393]. При этом здесь будет уместно указать, что ученый представлял сознание как целостное явление, особо выделяя в нем способность к самопознанию, предвидению человеком результатов своих действий.

Личность человека В.М. Бехтерев исследовал физиологическими и психологическими методами, объясняя личность «с объективной точки зрения»: «Личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями – *индивиду, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям*»* [Там же, с. 393]. И вновь: внешние условия – психорефлексы, а также самодеятельность по отношению к внешним условиям.

В то же время немецкий психолог Карл Бюлер полагал, что, хотя в основе психического развития лежат врожденные структуры (идея о саморазвитии), без упражнения (дрессуры), без обучения природные задатки не могут раскрыться в полной мере. Психолог исходил из мысли, что «*для полноценного психического развития необходимо обучение*» (курсив мой. – В.М.) [20, с. 96].

Размышляя о начатках общей теории духовного развития, К. Бюлер задавался вопросом: «Что бы сказали прежние теоретики развития, например Аристотель или Гегель, о сообщенных в этой книге фактах и какие бы они из них сделали заключения? Аристотель нашел бы, что часть его теории ступеней в царстве органического утверждена и уточнена... А Гегель? Ему, пожалуй, понравилось бы трио: инстинкт, дрессировка, интеллект...» [Там же, с. 476].

Полагаю, что в науке полезно не только рефлексировать на идеи уже ушедших мыслителей, но и попытаться, встав на их место и приняв их образ мышления, критически отнестись к идеям, рожденным в последующее время. Такой диалог мог бы оказаться полезным для развития как философии, так и других наук.

Второй и третий пути. Л.С. Выготский, исходя из идей Л. Леви-Брюля [10], его предшественников, идей

* В.М. Бехтерев процитировал свои собственные суждения, отослав читателя к своему труду (*Бехтерев В.М. Личность и условия ее развития и здоровья. – СПб., 1905. – С. 5.*)

К. Бюлера и известных положений К. Маркса и Ф. Энгельса о природе человека, писал: «...*Психическая природа человека представляет совокупность общественных отношений*, перенесенных внутрь и ставших функциями личности...» (курсив мой. – В.М.) [8, с. 146].

Историки психологии не раз обращали внимание на то обстоятельство, что конец XIX и первая половина XX столетия даровали науке немало продуктивных идей и сверхидей, ориентирующих других ученых на новое видение старых проблем, объясняющих связи и зависимости предпосылок и условий развития, а также значение внутренней позиции человека по отношению к внешним условиям.

Глубокие мыслители вносят свой вклад в развитие идеи о феномене человека как личности

Идеи высших психических функций и врастания в культуру

«Культурное развитие поведения не идет по равномерно поднимающейся вверх кривой»

Особая проблема культурного возраста

Каждый из названных выше мыслителей внес свою лепту (точнее – неоценимый вклад!) в идеи, прорастающие в сферах философии и наук, заинтересованных в познании феномена человека как личности.

Полагаю, что следует специально остановиться на идеях Л.С. Выготского, которые он вынес как эстафету от своих предшественников и глубоко развил их. Психолог упорно обращался к проблеме высших психических функций и психологии культурного развития ребенка и подростка. При этом Л.С. Выготский обсуждал факт «врастания подростка в культуру» [Там же, с. 19]. Солидаризируясь с идеями предшественников, Л.С. Выготский подтверждал: «Врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания. Оба плана развития – естественный и культурный – совпадают и сливаются один с другим. Оба ряда изменений взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка» [Там же, с. 31].

Обсуждая проблему воспитания высших форм поведения, Л.С. Выготский особо указывал на тот факт, что «культурное развитие поведения ребенка не идет по равномерно подымющейся вверх кривой.

<...>

Очень долго за основу развития принимались распределительные процессы развития с их наиболее элементарными отношениями между организмом и средой. На этом основании процессы врастания ребенка в культуру вообще не рассматривались как процессы развития. На них глядели чаще как на процесс простого механического усвоения ряда навыков или приобретения ряда знаний» [Там же, с. 291].

Л.С. Выготский особо выделял проблему культурного возраста. При этом он указывал: «Как интеллектуальный,

так и культурный возраст не являются хронологическими понятиями» [8, с. 302]. Ученый исходил из предположения о том, что «культурное развитие ребенка представляет собой особый тип развития, иначе говоря, *процесс врастания ребенка в культуру* не может быть, с одной стороны, отождествлен с процессом органического созревания, а с другой – не может быть сведен к простому механическому усвоению известных внешних навыков. Если встать на точку зрения, что культурное развитие, как и всякое другое, подчинено своей закономерности, имеет свои внутренние рамки, свои стадии, то вполне естественной оказывается проблема культурного возраста ребенка» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 303].

Далее Л.С. Выготский заключил: «Итак, культурным возрастом мы будем называть ту стадию культурного развития ребенка, которой он примерно достиг, и будем соотносить культурный возраст, с одной стороны, с паспортным возрастом, а с другой – с интеллектуальным возрастом» [Там же, с. 305].

В своей монографии, посвященной феномену личности, я обобщила и выразила через свое индивидуальное видение идей, которые прорастали во времени движения наук о человеке относительно факторов, определяющих развитие и бытие человека как личности: I – предпосылки развития (генотип) [4, с. 320–369]; II – социум как условие развития и бытия личности (речь идет о внешних реалиях развития и бытия личности): 1 – реальность предметного мира; 2 – реальность образно-знаковых систем; 3 – природная реальность; 4 – реальность социально-нормативного пространства [Там же, 48–271]; III – внутренняя позиция самой личности [Там же, с. 739, 793–832].

Я исходила из понимания того, «что человек является одновременно результатом своего генотипа и творцом собственного личностного развития на протяжении всей жизни. От активной позиции самого человека во многом зависит его реальный успех.

...Если в начале развития ребенка поддерживает онтогенетически обусловленная *сензитивность* к воздействиям, высокая подражательность и обучаемость, то позже развитие будет определяться *самосознанием и внутренней позицией* самого человека» [Там же, с. 368].

Я пришла к мысли, что «человек есть творение, создаваемое реалиями развивающихся, пульсирующих полей общественного сознания. <...> ...Настало время вкупе с биологическими предпосылками, определяющими генотип, жизнь и смерть человека как природного

Факторы,
определяющие
развитие

Человек в своем
развитии во многом
зависит от своей
внутренней позиции

Человек – творение,
создаваемое реалия-
ми пульсирующих
полей общественного
сознания

существа, рассматривать человека в контексте его развития, жизни и смерти в Великом идеополе общественного самосознания и в поле его индивидуального самосознания. В этой связи будет правильным говорить о *двух уровнях жизни: уровне биологическом и уровне психосоциальном – Великом идеополе общественного и личностного самосознания*. В этом случае для нас, людей, может оказаться продуктивной мысль о том, что можно быть живым на уровне обмена веществ, в биологическом плане, но *непробужденным* (мертвым) в плане психосоциального погружения в пульсирующее поле общественного и индивидуального, личностного сознания» [4, с. 369].

Человек появляется на свет как природное и как историческое существо

Конечно же, человек появляется на свет как природное и как историческое существо, которое, попав в социальные условия своего развития и бытия, претерпевает воздействия со стороны социально-психологической реальности. Однако в процессе исторического развития человечества постепенно каждое новое поколение обретало потенциал результатов и исторического развития.

При обсуждении проблемы развития личности я испытала потребность обратиться к идеям, объясняющим влияние факторов, определяющих психическое развитие и развитие личности в зависимости от условий, предпосылок и внутренней позиции каждого конкретного человека.

Резюмируя результаты нашего обзора идей о сущности человека как личности, полагаю полезным сконцентрировать основные идеи, которые были порождены глубокими мыслителями в конце XIX – начале XX столетия.

Прежде всего следует указать на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что человек «делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. *Его жизнедеятельность – сознательная. <...> ... Он есть сознательное существо*, то есть его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо» (курсив мой. – В.М.) [6, с. 93].

Идеи К. Маркса и Ф. Энгельса в начале XX столетия легли в основу отечественных философии, педагогики, психологии и других отраслей знаний, заинтересованных в понимании развития и бытия человека как личности.

Советский философ и психолог Сергей Леонидович Рубинштейн (1899–1960) свою жизнь отдал построению методологических основ психологии как науки (в 1934 г. он опубликовал принципиально значимый тогда труд «Проблемы психологии в трудах К. Маркса»).

Полезно сконцентрировать основные идеи, рожденные мыслителями до начала XX столетия

Человек делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания

«Основы общей психологии» – фундаментальный труд С.Л. Рубинштейна

По существу, Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн – ученые, принадлежащие одному историческому времени: социальные условия их бытия, безусловно, влияли на их методологические ориентиры, время подспудно несло в себе социальный заказ на выбор научных ориентиров на социально и психологически значимые проблемы.

В 1935 г. ученый издал работу «Основы психологии» [21], а позже в предисловии к первому изданию «Основ общей психологии» заявил об актуальных проблемах психологии на том этапе развития науки [22, с. 3–4]. Первое издание этого фундаментального труда было удостоено Сталинской премии.

Идея о взаимообусловленности развития и обучения

По сути, С.Л. Рубинштейн первым в нашей стране опубликовал свои идеи относительно понимания проблем развития личности и сознания, а также проблем взаимообусловленности развития и обучения. В предисловии ко второму изданию своих «Основ общей психологии» философ-психолог писал: «С новой остротой и значительностью встает вопрос о человеке, о мотивах его поведения и задачах его деятельности, о его сознании – не только теоретическом, но и практическом, моральном – в его единстве с деятельностью, в ходе которой человек не только познаёт, но и преобразует мир» [23, с. 4].

Следует специально указать на тот факт, что С.Л. Рубинштейн одним из первых психологов выстраивал свое понимание феномена человека через признание и утверждение идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Сознание человека – продукт социально-исторического развития

В то время С.Л. Рубинштейн выразил свое согласие с Э. Дюркгеймом, указав на попытку понять развитие форм человеческого сознания как продукта социально-исторического развития и на то, что сводится к идеологическому [22, с. 65, 402, 528]. Что касается идей Л. Леви-Брюля, то наш отечественный психолог обратил особое внимание на то, что «специфический для каждой общественной формации характер психики является продуктом воздействия коллектива; всю психику индивида определяют “коллективные представления”, которые в него внедряются обществом» [23, с. 152]. При этом следует, однако, указать, что С.Л. Рубинштейн, солидаризируясь со своими зарубежными современниками по ряду принципиальных позиций, в то же время выражал и свое несогласие с некоторыми толкованиями явлений, которые он назвал «необъяснимым парадоксом» [Там же, с. 153].

Обращение к теории культурного развития высших психических функций

В своих «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейн указал на теорию «“культурного развития высших психических функций” Л.С. Выготского, разрабо-

танную им совместно с группой сотрудников» [23, с. 83]. С.Л. Рубинштейн писал также, что Л.С. Выготский сделал попытку разрешить проблему развития и обучения, указав на их взаимосвязь и отмечая ведущую роль обучения. Фундаментальные труды Л.С. Выготского к тому времени еще не были опубликованы и пока находились лишь в рукописном виде, однако С.Л. Рубинштейн внимательно наблюдал за развитием новых идей отечественных психологов. В это время он разрабатывал свои идеи относительно двух уровней познавательных процессов, значения для человека разных видов деятельности, личности, ее самосознания и жизненного пути. Он настоятельно повторял: «ребенок развивается, воспитываясь и обучаясь», а взрослый «развивается, труясь» [Там же, с. 155].

С.Л. Рубинштейн шел в избранном им направлении, опираясь на идеи классиков марксизма и самостоятельно формируя свои собственные идеи.

Что касается видения сути понятия личности, то ученый с самого начала стремился к точному определению феномена личности.

Философ и психолог, С.Л. Рубинштейн определял личность как «конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру» [Там же, с. 676]. Далее он продолжал: «Человек является личностью, лишь поскольку он выделяет себя из природы, и отношение его к природе и к другим людям дано ему как отношение, то есть поскольку у него есть сознание...» [Там же].

С.Л. Рубинштейн выражал уверенность в том, что «вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее *самосознании*, о личности как “я”, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе всё, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца» [Там же, с. 676–677]. Ученый полагал, что источник самосознания следует искать в самостоятельности самого человека: «Подлинный источник и движущие силы развития самосознания нужно искать в растущей реальной самостоятельности индивида, выражающейся в изменении его взаимоотношений с окружающими. <...>

Реальная, не мистифицированная история развития самосознания неразрывно связана с реальным развитием личности и основными событиями его жизненного пути» [Там же, с. 677].

Понимание личности как конкретного, исторического, живого индивида

Сущностно значимая проблема человека в качестве личности: ее самосознание

Личность – человек, который сознательно устанавливает свое отношение к окружающему

Личностью человек становится

Взаимодействие социальной реальности и индивидуальной истории личности

Личность выступает как совокупность внутренних условий, через которые преодоляются внешние воздействия

Нельзя не согласиться со следующей мыслью С.Л. Рубинштейна: «Личностью является лишь человек, который *относится* определенным образом к окружающему, сознательно устанавливает это свое отношение так, что оно выявляется во всем его существе.

Подлинная личность определенностью своего отношения к основным явлениям жизни заставляет и других самоопределиться» [23, с. 679].

И наконец, принципиально значимый для понимания феномена личности постулат: «Личностью... человек не рождается; личностью он становится» [Там же, с. 682]. По существу, речь идет об овладении собой. Для меня лично эта мысль не вызывает сомнения, а вступать в дискуссии с имеющими иное мнение я вообще не склонна: полагаю, каждый ученый имеет право (для меня, прежде всего, должен!) прояснить для себя не спонтанно избранный путь и пытаться в меру своих возможностей честно идти избранным путем.

Особое значение для понимания сущности человека как личности, его развития и становления является идея, перекликающаяся с мыслью Э. Дюркгейма о влиянии социальной реальности на человека и предстающая в качестве «принудительной силы» [9, с. 69]. Социальной реальности и индивидуальной истории личности С.Л. Рубинштейн придавал особое значение.

Размышляя о личности в контексте своего знаменательного труда «Человек и мир», обсуждая теоретические вопросы психологии и проблему личности, С.Л. Рубинштейн ассирировал идеи своих гениальных предшественников. Четко и однозначно он сформулировал свое видение социально-психологической сути личности: «*При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преодоляются все внешние воздействия...*» [24, с. 242].

Индивидуальная история развития личности, согласно видению С.Л. Рубинштейна, обусловлена «соотношением специфических для нее внешних и внутренних условий». В силу этого одни и те же внешние условия (например, условия жизни и воспитания для двух детей в одной семье) по существу, по своему жизненному смыслу для индивида оказываются различными» (курсив мой. – В.М.). И далее: «Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности – это не одно и то же, что личностные свойства индивида, то есть свойства, характеризующие его как личность*» [Там же, с. 243].

Личность формируется во взаимодействии с окружающим миром

История практического интеллекта тесно связана с овладением собой

«Сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека»

Целый ряд идей философов трансформируется в особые понятия, которые из пределов науки могут уйти в культуру обыденной речи

Значимые идеи, рожденные в умах мыслителей, имеют свою особенную жизнь в сообществе последующих поколений

У С.Л. Рубинштейна идея развития личности выражается следующим образом: «Личность формируется во взаимодействии, в которое человек вступает с окружающим миром. Во взаимодействии с миром, в осуществляющей им деятельности человек не только проявляется, но и формируется» [Там же, с. 224].

Собственно, в этом же направлении рассуждал и Л.С. Выготский, который полагал, что «история практического интеллекта тесно связана не только с овладением природой, но и с *овладением собой*» (курсив мой. – В.М.) [25, с. 84]. И далее он развивал свое суждение: «Жизнь во времени, культурное развитие, труд – всё, отличающее в психологической сфере человека от животного, теснейшим образом связано с тем фактом, что параллельно с овладением внешней природой в процессе исторического развития человека шло *овладение собой, своим собственным поведением*» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 85].

В этой связи не могу не вспомнить мысль Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) о том, что «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» (курсив мой. – В.М.) [26, с. 47]. Выделаться – сделать себя, приобрести путем приложения усилий желаемые качества. При этом тех, кто не знает дисциплины и кто не побуждается к тому, чтобы «выделаться», писатель-философ называл «недоделанными» людьми.

Для меня стало откровением, что целый ряд идей древних философов и философов более поздних времен трансформируется со временем в особые понятия, слова, значения и смыслы которых неким (непосредственным или опосредованным) образом переходят в языки народов мира. Конечно, я рассматриваю это движение идей, развернутых философами, в рамках родного мне русского языка.

Для нас, наследников великорусского языка, становится очевидным, что понятия, рожденные как древнегреческими философами, так и философами последующих времен, врастая в сферы *Великого идеополя общественного самосознания*, реально уходят из конкретного исторического места и конкретного времени, где они были рождены в качестве откровений, в качестве идей, подчас прорастают в сознании не только последующих мыслителей, но и народов в словах, значения и смыслы которых в лаконичном своем выражении начинают входить в словарь, в большой словарь конкретного языка.

Сегодня философы и ученые подчас возвращаются к рожденным однажды идеям и словам-понятиям, привнесшим в наше время от мыслителей прежних времен, и вдохновенно продолжают размышлять, развивая рож-

денные прежде идеи. Тем самым человечество, *во-первых*, проникает вглубь открывающихся ему затянутых феноменов личности, *во-вторых*, развивает потенциал духовных личностных возможностей человека. Так, в контексте обсуждения значимых идей, дарованных нам мыслителями, особое значение я хочу придать слову *все* (*всех*), которое не единожды использовалось К. Марксом и Ф. Энгельсом, как я полагаю, в качестве знакового понятия (см. с. 71). Слово *все* (*всех*) переходит в контексте видения философов в значимое обобщающее понятие, несущее в себе особое значение и особый смысл: «все – сколько есть, сполна, без остатка».

Обсуждаемые в контексте настоящей работы значимые идеи не должны быть потеряными в сферах Великого идеополя общественного самосознания, а должны продолжать свое развитие и ложиться в основу современного понимания проблем развития личности в науке, практике и политике управляемых структур образования и науки Российской Федерации.

2. Орудие и знак: их исторически сложившаяся феноменологическая сущность

Определяющая роль в развитии и функционировании высших психических функций принадлежит специальным стимулам

Работу «Орудие и знак» Л.С. Выготский закончил в 1930 г. Впервые этот труд был опубликован в 1984 г. [25].

Л.С. Выготский во главу угластавил идею о том, что высшие психические функции характеризует их произвольная структура, при этом определяющая роль принадлежит *специальным стимулам* [Там же, с. 49].

Включая символические функции в операцию, Л.С. Выготский писал, что «функциональный барьер между восприятием и моторикой... обязан своим происхождением вдвиганию слова или другого символа между начальным и конечным моментами действия...» [Там же, с. 50]. При этом овладение собственным поведением у человека происходит с помощью *символических стимулов*.

Высшие психические функции строятся на основе опосредующих стимулов – знаков

Ученый упорно повторял открывшиеся ему истины: «...Высшие психические функции образуют систему, единую по генетическому характеру, хотя и разнородную по составляющим ее структурам» [Там же, с. 51]. И далее: генетически основной чертой психических процессов «в плане филогенеза является то, что они сформировались как продукт не биологической эволюции, а исторического развития поведения, они сохраняют специфическую социальную историю».

Согласно видению Л.С. Выготского, психические процессы «строятся на основе использования опосредую-

Единый процесс культурного формирования личности

Генеральная линия развития психических функций начинается от натуральных форм развития

Единство всех высших психических функций

Значение знака в организации и функционировании психических процессов

щих стимулов (знаков) и в силу этого носят опосредованный характер. Наконец, в функциональном отношении они характеризуются тем, что выполняют новую и существенно иную роль по сравнению с элементарными функциями и выступают как продукт исторического развития поведения» (курсив мой. – В.М.) [25, с. 51].

Все это, по мысли Л.С. Выготского, включает данные функции в широкое поле генетического^{*} исследования, и «вместо того, чтобы интерпретироваться как более низкие или более высокие варианты тех же функций, постоянно проявляющихся параллельно друг другу, они начинают рассматриваться как различные стадии единого процесса культурного формирования личности. С этой точки зрения мы можем с тем же основанием, с каким мы говорим о логической памяти или произвольном внимании, говорить о логическом внимании, произвольных или логических формах восприятия, которые резко отличаются от натуральных форм этих же процессов, работающих по законам другой генетической стадии» (курсив мой. – В.М.) [Там же].

Л.С. Выготский убедительно показывал, что генеральная линия развития всех основных психических функций начинается от натуральных форм развития, однако вскоре перерастает их и приводит к радикальной перестройке элементарных функций на основе применения знаков как средства организации поведения. Высшие функции восприятия, памяти, внимания и другие внутренне связаны со знаковой деятельностью: понять их можно только на основе анализа их генетических корней и той перестройки, которой они подвергаются в процессе своей культурной истории.

К 1930 году Л.С. Выготский пришел к выводу огромной теоретической важности: он указал на проблему единства высших психических функций, которое проявляется в их происхождении и развитии. При этом он неустанно повторял: «Такие функции, как произвольное внимание, логическая память, высшие формы восприятия и движения, которые до сих пор изучались в изоляции, как отдельные психологические факты, теперь, в свете наших экспериментов, выступают, по существу, как явления одного порядка – единые по своему генезису и по психологической структуре» [Там же, с. 52].

Л.С. Выготский неустанно обращал внимание на открытую им идею значения знака в организации пси-

* Генетический (от сущ. генезис – происхождение, возникновение) – изучающий происхождение, развитие чего-л.

хических процессов. Он формулировал проблему знака в формировании высших психических функций.

В своем принципиально значимом для познания феномена человека как личности труде Л.С. Выготский многократно повторял, что «высшие функции восприятия, памяти, внимания, движения и прочие внутренне связаны с развитием символической деятельности ребенка, и их понимание возможно лишь на основе анализа их генетических корней и той перестройки, которой они подвергались в процессе культурной истории.

Стадии единого процесса культурного формирования личности

Мы оказываемся перед выводом большого теоретического значения: перед нами раскрывается единство высших психических функций на основе одинакового по существу происхождения и механизма развития. Такие функции, как произвольное внимание, логическая память, высшие формы восприятия и движения, которые до сих пор рассматривались изолированно, как частные психологические факты, выступают в свете наших экспериментов в качестве явлений одного психологического порядка, продукта единого в основе процесса исторического развития поведения. Этим самым все данные функции вдвигаются в широкий аспект генетического исследования и, вместо постоянно сосуществующих рядом низших и высших разновидностей одной и той же функции, признаются за то, что они есть на самом деле, – за разные стадии единого процесса культурного формирования личности. С этой точки зрения мы с таким же основанием, с каким говорим о логической памяти или произвольном внимании, можем говорить о произвольной памяти, логическом внимании, о произвольных или логических формах восприятия, которые резко отличны от натуральных форм» (курсив мой. – В.М.) [25, с. 54].

Сила теории роли знаков в развитии высших психических функций

Стремление повторять и повторять открывшиеся гению Л.С. Выготского аксиомы, ставшие отправным, исходным знанием, подтвержденным экспериментальным и теоретическим путем, очевидно, потрясли самого ученого. Определив исходные позиции своей теории относительно роли знака в развитии высших психических функций и личности самого человека, Л.С. Выготский как страстный исследователь не мог не повторять открывшиеся ему безусловные для него истины.

Рукописи
Л.С. Выготского
долгое время не
издавались...

Концепция развития высших психических функций и их знакового опосредования Л.С. Выготского оказалась безусловное влияние на развитие советской психологии, хотя (увы!) его рукописи долгое время не публиковались. Этот факт истории науки хотя и затормозил

Жизнь во времени, культурное развитие, труд – условия овладения человеком своим собственным поведением

Сущностное значение изменения человека в собственной природы

Активное приспособление к природе можно понять из социальной природы человека

развитие идей ученого, но в то же время усилил понимание неоспоримой значимости его гения: спустя десятки лет учёные, ознакомившись с идеями Л.С. Выготского, ясно прочувствовали принципиальную значимость открытий великого мыслителя.

Л.С. Выготский писал: «Жизнь во времени, культурное развитие, труд – всё, отличающее в психологической сфере человека от животного, теснейшим образом связано с тем фактом, что параллельно с овладением внешней природой в процессе исторического развития человека шло овладение собой, своим собственным поведением» [Там же, с. 85]. В этой связи возникает потребность повторить сущностно значимую мысль Ф.М. Достоевского о том, что «человеку надо выделяться» [26, с. 47]. Л.С. Выготский соглашался с Ф. Энгельсом в том, что «труд создал самого человека» [27, с. 486].

3. История развития высших психических функций

Работа Л.С. Выготского «Развитие высших психических функций» была закончена в 1931 г., а впервые опубликована только в 1960 г.

Психолог апеллировал к мыслям Ф. Энгельса, полагавшего, что мнение о том, что «только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие, – страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования» [Там же, с. 545–546].

Л.С. Выготский писал: «Для человеческого приспособления существенно активное *изменение природы человека*. Оно лежит в основе всей человеческой истории. Оно необходимо предполагает активное изменение и поведения человека» [8, с. 80]. При этом психолог обращался к идеям К. Маркса: «Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [28, с. 188–189].

Ссылаясь на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, Л.С. Выготский писал: «Но ни из каких природных связей нельзя понять активного приспособления к природе, изменения ее человеком. Это можно понять только из социальной природы человека. Иначе мы возвращаемся к натуралистическому утверждению, что только природа действует на человека» [8, с. 81]. При этом психолог апеллировал к философу Ф. Энгельсу, который писал: «Как естествознание, так и философия до сих пор

Опосредующая
функция знаков

совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [27, с. 545].

Л.С. Выготский писал: «...основой аналогии между знаком и орудием является опосредующая функция, принадлежащая одному и другому. С психологической стороны они поэтому могут быть отнесены к одной категории» (курсив мой. – В.М.) [8, с. 89].

Психолог схематически изобразил отношение между *употреблением орудий* и *употреблением знаков*, полагая, что «с логической стороны то и другое могут рассматриваться как соподчиненные понятия, входящие в объем более общего понятия – опосредующей деятельности (см. рис. 1).

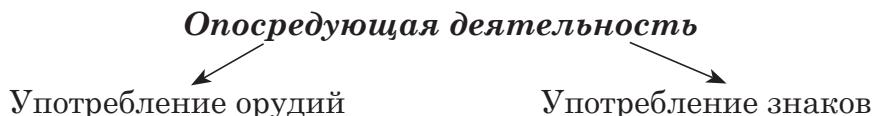

Рис. 1 [8, с. 89].

Опосредование –
самое характерное
свойство разума

Л.С. Выготский апеллировал к понятию «опосредование» Г.В.Ф. Гегеля, полагая: «Понятию опосредование Гегель придавал с полным основанием наиболее общее значение, видя в нем самое характерное свойство разума» [Там же]. Действительно: «Разум, столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель» [29, с. 397].

Ученый пристрастно относился к мысли Ф. Энгельса о том, что человек «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи» [30, с. 190].

Значение свободы
воли человека

Обсуждая идею свободы воли человека, Л.С. Выготский писал: «Никто не выразил с такой ясностью общую идею того, что свобода воли возникает и развивается в процессе исторического развития человечества, как Ф. Энгельс» [8, с. 290]. Психолог ссылался на философа:

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, – два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» [30, с. 116]. Л.С. Выготский заключал: «Иначе говоря, Энгельс ставит в один ряд овладение природой и овладение собой. Свобода воли в отношении одного и другого есть для него, как и для Гегеля, понимание необходимости» [8, с. 290]. И далее вновь он апеллировал к Ф. Энгельсу: «Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы... господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе» [30, с. 116].

Важность
понимания значения
развития –
«вызревание
свободы воли»

Исходя из представленных Ф. Энгельсом идей, Л.С. Выготский заключал: «Перед психологом-генетистом встает, следовательно, в высшей степени важная задача – отыскать в развитии ребенка линии, по которым происходит *вызревание свободы воли*. Перед нами стоит задача представить постепенное нарастание этой свободы...» (курсив мой. – В.М.) [8, с. 290].

Инстинкт как
видовое
приспособление

4. Инстинкт и возможность его культурно-исторического преобразования

Л.С. Выготский углубленно изучал труды Ч. Дарвина – великого естествоиспытателя.

В своем знаменитом труде «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвин приводил доказательства, относящиеся к происхождению человека из низшей формы [31, с. 136–153]. Ученый настаивал: «Различие интеллекта у человека и животных не так велико, как [различие] между живыми существами без мысли (растениями) и живыми существами с мыслью (животными)» [32, с. 77].

Что касается проблемы инстинктов, то, согласно видению Ч. Дарвина, инстинкт – это видовое приспособление, которое формируется благодаря наследованию

приобретенных свойств и естественному отбору. При этом Ч. Дарвин основательно обсуждал принципы полового отбора [31, с. 311–355]*. Например, он обсуждал тот неизменный факт, что «во всех случаях самцы должны быть одарены более сильными страстями, чтобы деятельно искать... более пылкие самцы оставляли более многочисленное потомство...» [Там же, с. 324 и др.].

Наряду с этим Л.С. Выготский внимательно изучал работы И.М. Сеченова, в которых описывался и обсуждался целый ряд инстинктов.

Инстинкты
самосохранения
и движений в сфере
животных мышц

Физиолог и психолог весьма четко формулировал свое понимание сути того, о чем он размышлял. Так, об инстинкте самосохранения он писал: «Никто не станет, конечно, спорить против мысли о существовании *инстинктивного чувства самосохранения* и у человека» (курсив мой. – В.М.) [33, с. 42, 54]. В то же время И.М. Сеченов писал о так называемых инстинктивных движениях в сфере животных мышц: «Человек рождается на свет с очень незначительным количеством *инстинктивных движений в сфере так называемых животных мыши*, то есть мышц головы, шеи, рук, ног и тех из туловищных мышц, которые покрывают костный скелет снаружи. Он (новорожденный. – В.М.) умеет открывать и закрывать глаза, сосать, глотать, кричать, плакать, икать, чихать и проч.» [Там же, с. 55–56].

Инстинкты
подражания

Особое внимание И.М. Сеченов уделял инстинктивному стремлению ребенка подражать: рефлексы со слухового органа на мышцы груди, горлани, языка, губ, щек и пр. (голосовые разговорные мышцы), бывшие до того времени бессвязными, начинают принимать определенную форму... Главным рычагом в развитии этого искусства является *инстинктивное стремление* ребенка подражать действующим на его ухо звукам – обезьянчиество... [Там же, с. 61]. Далее в продолжение этой темы физиолог писал об инстинктивном стремлении ребенка подражать видимому и слышимому [Там же, с. 73].

Исследователь инстинкта подражания писал, «что подражательность вообще есть свойство, присущее всем без исключения людям, притом пронизывает всю жизнь, и в зрелом возрасте в страшно сильной дозе (она лежит в основе общественности вообще, играет важную роль в развитии национального характера, ею обусловливают-

* Через несколько лет после публикации «Рефлексов головного мозга» (1863) И.М. Сеченов принял участие в работе над переводом труда Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», вышедшим под его редакцией (1871–1872).

Страх и испуг как инстинкт

ся стадность людских действий, рутина и пр.), легко понять, что для людей она имеет все характеры родового признака...» [33, с. 219].

Особое место в мыслях И.М. Сеченова занимали страхи и испуги. Он рассматривал эти чувства как инстинкты. Он писал: «*Страх свойственен как человеку, так и последнему из простейших животных организмов*, которые живут, по нашим понятиям, лишь инстинктами. *Испуг есть*, следовательно, явление инстинктивное. Ощущение это происходит в головном мозгу, и оно есть столько же роковое последствие внезапного раздражения чувствующего нерва, как отраженное движение есть роковое последствие испуга. Это три стоящие в причинной связи деятельности одного и того же механизма. Начало явления есть раздражение чувствующего нерва, продолжение – ощущение испуга, конец – усиленное отраженное движение» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 25]. И далее физиолог вновь обращался к обсуждению ощущения «страха в невольном движении» [Там же, с. 64].

Половым инстинктом обеспечивается целостность вида

Отдельное внимание И.М. Сеченов уделил обсуждению полового инстинкта. Он писал: «Половыми инстинктами обеспечивается целостность вида и пр. Во всех этих случаях за чувством остается, как и прежде, значение сигнала, и сигнальный знак вызывается, как в машинах, измененными условиями в их ходе» [Там же, с. 573].

Рефлекторная теория И.М. Сеченова уникально объемлет все психические процессы и все аспекты высшей нервной деятельности, рассматривая их в связи с социокультурной средой. При этом физиолог и психолог рассматривал психические процессы в их единстве и взаимодействии, а также в единстве целостной жизнедеятельности и целостного поведения.

Гипотезы И.М. Сеченова о феноменологических особенностях рефлексов

И.М. Сеченов сформулировал гипотезы о цепных рефлексах и о значении следовых процессов в деятельности мозга, открыл закон суммации возбуждения и непрерывной установочной контролирующей деятельности мозга [Там же, с. 167]. Он описал и показал: значение чувственных знаков (или условных знаков) [Там же, с. 237, 368 и др.], феноменологические особенности темных мышечных чувств [Там же, с. 42, 376] и психологию поведения [34].

Инстинкты могут возникать от сильных невольных движений

Ученый показал, что:

1 – инстинкт страха, испуг может возникать от чрезмерно сильных невольных движений; испуг – явление инстинктивное [33, с. 12, 15, 24–25 и др.]. В этом случае речь шла о невольных движениях с усиленным концом.

Невольные движения вытекают из головного мозга, они происходят, если чувствующий нерв раздражается внезапно: именно это может вызвать инстинктивное чувство страха;

2 – инстинктивное чувство самосохранения безусловно существует и у человека, полагая, что это может быть «темное чувство» [33, с. 42 и др.].

3 – «если мы... и можем вызвать по произволу представления и мысли, то сравнительно в очень скромных размерах... <...> Но и эта ограниченная власть оказывается при ближайшем рассмотрении иллюзией» [Там же, с. 167 и др.]. При этом И.М. Сеченов считал, что «сравнительная психология внесла бы более естественную систему в классификацию различных видов чувства (...аффект, страсть) и изгладила бы ту глубокую пропасть, которая отделяет для человеческого сознания разум от инстинкта, обдуманное действие от невольного и пр.» [Там же, с. 178]*.

Особенности
внутренней стороны
речи

Л.С. Выготский, рассматривая особенности внутренней стороны речи, апеллировал к В.М. Бехтереву (который определял ее как не выявленный в двигательной части речевой рефлекс) и к И.М. Сеченову (который определял ее как рефлекс, оборванный на двух третях своего пути). При этом Л.С. Выготский полагал: «...мы должны сделать еще один шаг по намеченному пути и проникнуть несколько глубже во внутреннюю сторону речи» [35, с. 314].

Л.С. Выготский под внутренней речью понимал: вербальную память, сокращение обычного речевого акта, чрезвычайно расширительное толкование [Там же, с. 314–315]. Резюмируя многие вариации суждений о внутренней речи, психолог писал: «Внутренняя речь есть немая, молчаливая речь» [Там же, с. 324]. Все заявляемые проявления внутренней речи есть по сути своей «движение от мысли к слову» [Там же, с. 331].

Бихевиоральные
психологи США
опирались на идеи
И.М. Сеченова

Я добросовестно проанализировала ссылки Л.С. Выготского на труды И.М. Сеченова. Хотя в «Именном указателе» 1-го, 2-го и 4-го томов есть ссылка на выдающегося русского физиолога, но, по существу, нельзя не согласиться с мнением В.В. Давыдова: Л.С. Выготский обошел своим вниманием отечественно-

* В.В. Давыдов, редактор 2-го тома Собрания сочинений Л.С. Выготского «Проблемы общей психологии» и автор комментариев, писал: «Выготский, как и большинство психологов 20-х гг., недооценивал значение идей Сеченова для психологии, хотя и был знаком с основными его произведениями» [35, с. 488, 81].

го ученого. Следует заметить, что бихевиоральные психологи США брали в свои теоретические основы идеи как И.М. Сеченова, так и И.П. Павлова. Подтверждением тому может быть Российско-американский круглый стол: «Поведение: условия развития и внутренняя позиция личности». В своем докладе Теодор Эндрю Хок отметил признанным мировым сообществом приоритет русских ученых-физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова в становлении и развитии бихевиоральной психологии [36, с. 124].

Американские психологи описывали поведение в физиологических терминах стимула и реакции

Анализируя результаты российско-американского научно-практического симпозиума «Прикладной анализ поведения: теория и практика», я писала: «Бихевиоральная психология США в XX столетии изучала поведение в различных его аспектах. Исходя из идей И.М. Сеченова и И.П. Павлова, американские психологи Э. Торндайк и Дж. Уотсон пришли к выводу о возможности описать поведение в физиологических терминах стимула и реакции.

Эта идея изначально родилась в концепции И.М. Сеченова. В своих “Рефлексах головного мозга” он обсуждал “тот мир явлений, который родился из деятельности головного мозга” [15, с. 9]. Все, что происходит с человеком, считал ученый, “везде окончательным фактом является мышечное движение” [37, с. 147].

И.П. Павлов принял идеи И.М. Сеченова о детерминизме

И.П. Павлов, отдавая должное уважение физиологу И.М. Сеченову, писал: «...он пытался представить деятельность больших полушарий как деятельность рефлекторную, то есть ее детерминизировать» [38, с. 17]. Обсуждая проблемы инстинктов, физиолог полагал, что инстинкт – сложный безусловный рефлекс, посредством которого осуществляется взаимодействие организма со средой. По существу, великий физиолог размышлял о высших проявлениях животных и человека – о поведении.

Рефлексы суть элементы постоянного уравновешивания

И.П. Павлов писал: «Рефлексы суть элементы этого постоянного приспособления или постоянного уравновешивания. <...> Рефлексы, как и приводы машин, сделанных человеческими руками, – двух родов: положительные и отрицательные, или задерживающие, тормозные, иначе сказать – то вызывающие определенную деятельность, то ее прекращающие. Конечно, изучение этих рефлексов, как ни давно оно в руках физиологов, еще очень, очень далеко от законченности» [Там же, с. 21].

К обычным рефлексам примыкают врожденные реакции

И далее: «К этим обычным рефлексам, давнему объекту исследования физиологов в их лабораториях и каса-

Есть ли реальные различия между рефлексами и инстинктами?

Как рефлексы, так и инстинкты – закономерные реакции

Рефлексы и инстинкты – постоянные и закономерные реакции организма

ющимся, главным образом, деятельности отдельных органов, *примыкают еще прирожденные реакции*, так же при посредстве нервной системы происходящие закономерно, то есть строго приуроченные к определенным условиям. Это реакции разнообразных животных, касающиеся деятельности целого организма под видом общего поведения животных и обозначаемые особым *термином инстинктов*» (курсив мой. – В.М.) [38, с. 22].

Однако И.П. Павлов был убежден в том, «что нет ни одной существенной черты, отличающей рефлексы от инстинктов. Прежде всего, есть множество совершенно незаметных переходов от обычных рефлексов к инстинктам» [Там же]. Говорят: пищевой инстинкт, но оборонительный рефлекс. Физиолог отмечал, что есть чрезвычайно сложные рефлексы, которые, однако, инстинктами никто не называет: «Возьмем простой рвотный акт. Он чрезвычайно сложен, в нем принимает экстренное согласованное участие огромное количество различных мускулов, и поперечно-полосатых, и гладких, обычно действующих при других функциях организма и раскинутых на большом протяжении, а также много различных секреций, опять же в другое время участвующих в других деятельностих организма» [Там же, с. 23].

Обсуждая рефлексы как основные нервные реакции как животных, так и человека, И.П. Павлов настаивал: «...как рефлексы, так и инстинкты – *закономерные реакции организма на определенные агенты*, и потому нет надобности обозначать их разными словами. Имеет преимущество слово “рефлекс”, потому что ему с самого начала придан строго научный смысл» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 24–25].

Делая сообщение на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 г.*, И.П. Павлов указывал: «Прирожденные основные нервные деятельности представляют собой постоянные закономерные реакции организма на определенные внешние или внутренние раздражения. Реакции эти называются рефлексами и инстинктами. Большинство физиологов, не видя существенной разницы между тем, что называется рефлексом и что – инстинктом, предпочитают общее название “рефлекс”, так как в нем отчетливее идея детерминизма, бесспорнее связь раздражителя с эффектом, причины со следствием. Я также предпочтительно буду употреблять слово “рефлекс”, предоставляя другим по

* Вестник Европы. Кн. 4. – 1916. – С. 69–75.

Рефлекс свободы по сути своей – безусловная врожденная реакция

желанию подменять его словом “инстинкт”» [39, с. 300].

В это же время И.П. Павлов совместно с доктором М.М. Губергрицем подготовил доклад по поводу систематизации *прирожденных рефлексов*.

В который раз И.П. Павлов повторял: «Совершенно очевидно, что существующая шаблонная классификация рефлексов на пищевые, самоохранительные, половые и слишком обща, и неточна» [40, с. 308–309]. Физиолог в очередной раз обращал внимание на то, что «при ближайшем анализе между тем, что называется рефлексом, и тем, что обозначается словом “инстинкт”, не оказывается фундаментальной разницы» [Там же, с. 309]. Ученые утверждали, что рефлекс свободы – четко выраженная врожденная реакция: «И мы знаем хорошо, как все животные, лишенные обычной свободы, стремятся освобождаться, особенно, конечно, дикие, впервые плененные человеком» [Там же, с. 311]. Таким образом, постоянно речь шла о внешних проявлениях животных и человека – *о поведении*.

Я остро чувствую побуждения инстинктов свободы, ориентировочного и защитного

Я как человек, осознающий в себе наследование эволюционных даров и упорного давления социально-исторических условий, остро чувствую на себе (и в себе) побуждения инстинктов свободы, ориентировочного и защитного. Эти мощные призывы, переданные мне из глубин времен, нередко становятся моими личностными ориентирами.

В.М. Бехтерев стремился сблизить психологию с нейрофизиологией

Владимир Михайлович Бехтерев стремился сблизить психологическую науку с нейрофизиологией. Он представлял сознание как целостное явление, связывающее все психические переживания человека, особо выделяя способность к самопознанию, предвидению результатов совершаемых человеком действий и регулированию его поведения. Ученый исследовал поведение человека, которое понимал как совокупность врожденных и индивидуально приобретенных «сочетательных рефлексов», он стремился построить естественно-научное психологическое учение, названное им *рефлексологией*. Рефлексология понималась как особая комплексная наука о человеке и обществе.

По сути, В.М. Бехтерев исследовал поведение человека

По существу, В.М. Бехтерев исследовал *поведение человека*. Ученый упорно анализировал внешние реакции человека. Он задавался вопросом: «Выражают ли собою внешние реакции нервную и нервно-психическую деятельность во всей ее полноте?» [41, с. 70].

В.М. Бехтерев писал: «Однако все вообще внутренние процессы с субъективными переживаниями, которые не входят в предмет объективного исследования, не

имеют сами по себе никакой объективной ценности до тех пор, пока они не выразились в речи, жестах, поступках или изменениях соматической сферы. Следовательно, объективную ценность в смысле установления известных отношений индивида к окружающему миру имеют только внешние реакции, которые дают нам всё, что касается проявления нервной деятельности и невропсихики в объективном мире» [41, с. 70]. Ученый полагал, что если внешние реакции (поведение) представляют собой ряд отдельных сложных движений, «которые связаны между собою известною определеною целью, клонящейся к достижению или устраниению внешних влияний, известных уже из прежнего опыта, то такую реакцию мы называем *систематическою*» [Там же, с. 71–72].

Органическая
и социальная сферы
личности

Анализируя органическую и социальную сферы личности, ученый писал, «что личная сфера является той совокупностью следов от органических рефлексов, около которой благодаря сочетаниям группируется известная часть следов рефлексов, возбуждаемых внешними раздражениями... [Там же, с. 392]. И далее В.М. Бехтерев продолжал свои рассуждения: «С развитием общественной жизни личная сфера человека не ограничивается только следами психорефлексов, стоящими в соотношении с органическими воздействиями, но в теснейшей связи с ними происходит образование следов, обусловленных теми или другими отношениями, вытекающими из условий общественной жизни» [Там же, с. 393].

В чем заключается
источник
самоопределения
поступков?

В.М. Бехтерев размышлял о личной сфере как руководителе активного сосредоточения, об индивидуальных особенностях личности и о свободе действий человека [Там же, с. 398–399].

Он задавался вопросом: «Однако в чем же может заключаться источник самоопределения действий и поступков?» [Там же, с. 401]. И отвечал: «...должно быть ясно, что руководителем действий является личная сфера, развитие которой находится в связи с постоянным оживлением следов от внутренних или органических раздражений. Здесь внешние раздражения играют роль толчка, который дает повод к ожиданию внутренних следов, причем импульс к движению или к его задержке является результатом сложной ассоциативной работы, возбужденной внешним воздействием и состоящей в оживлении прошлых следов, главным образом, от внутренних реакций» [Там же]. При этом ученый подчеркивал, что внутренняя работа в отдельных случаях может быть неодинаковой. В личной реакции чело-

Внешнее
воздействие
и личная реакция
на него могут быть
отнесены на долгое
время

Нервно-психические
процессы
предполагают
действие
раздражения на
воспринимающие
органы

Индивидуальная
обособленность
психики

Л.С. Выготский
многоократно
обращался
к понятию
«инстинкты»

века не могут постоянно наблюдаваться простые соотношения между внешним раздражением и следующим за ним действием или поступком.

В.М. Бехтерев тонко замечал: «Иногда внешнее воздействие, служащее поводом к развитию движения, отделяется от последнего промежутком времени в несколько дней, недель, месяцев и даже лет, и, тем не менее, личная реакция также является более или менее предопределенной, но не одними только условиями данных внешних воздействий, но и прошлыми воздействиями и характером личной сферы человека» [41, с. 402]. Здесь уже можно говорить о феноменологической сущности человека как личности. Во всяком случае, ученый развивал свои мысли именно в направлении объяснения личности через действия, поступки и поведение.

В других своих работах, изучая нервно-психические процессы, ученый писал, что они «предполагают действие раздражения на воспринимающую поверхность организма и возбуждение этим путем деятельности центров, сохранение следов этого возбуждения и сочетание этих следов со следами прошлых возбуждений того или иного центра и как результат этого сочетания – соответствующую реакцию в виде движения или иной формы проявления деятельности организма. Первая часть этого процесса может быть названа процессом впечатления, вторая часть – процессом образования и сочетания следов, третья же часть может быть названа процессом внешнего отражения или развития внешней реакции» [42, с. 72].

В.М. Бехтерев утверждал, что «совокупность целого ряда следов от прошлых внутренних раздражений лежит в основе индивидуальной обособленности невропсихики животного, достигающей у человека под влиянием социальных условий своего высшего развития...» (курсив мой. – В.М.) [43, с. 95]. И далее: «Благодаря тому, что сочетания следов могут получать то или другое направление от индивидуального ядра невропсихики, происходит в мозгу правильная смена или связное сцепление следов, приводящее в конце концов к сложной и систематически связанной внешней реакции, известной под названием действий и поступков» [Там же, с. 96].

В своей работе «Педология подростка» Л.С. Выготский многоократно обращался к понятию «инстинкты». Можно полагать, что он находился в этом отношении под непосредственным влиянием идей физиологов И.М. Сеченова, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, которые постоянно в разных контекстах обращались к

инстинкту.

Ученый писал: «Мы знаем, что все интересы надстроены на известной инстинктивной основе, на которой только и возможно их дальнейшее развитие, но существенной чертой развития является как раз то, что биологическая основа, или подпочва интересов, которая на протяжении других возрастных периодов остается более или менее постоянной, сама сдвигается и претерпевает существенные изменения в переходном возрасте, разрушая прежде установленную гармонию влечений и обнажая новые, впервые созревающие инстинктивные импульсы» [44, с. 25].

Гипотеза о
расхождении трех
линий развития:
общеорганического,
полового и
культурного

В норме половое
созревание должно
совпадать
с окончанием общего
органического
созревания

К моменту полового
созревания склады-
ваются установлен-
ные интеллектом и
привычками слож-
ные функции

Л.С. Выготский развивал гипотезу, что в основе всех особенностей переходного периода лежит возникающее в ходе исторического развития несовпадение или расхождение трех точек развития – общеорганического, полового и культурного. Он писал: «Мы могли бы сказать... что рост культуры не только усиливает критичность переходного возраста, но что культура вообще впервые создает этот кризис. Вне культурного развития о кризисе переходного возраста вообще не приходится говорить. Эта культура, это историческое развитие человечества разбивает биологическую гармонию созревания, расщепляя его на три отдельные вершины и образуя основное противоречие всего возраста» [Там же, с. 411. 86].

Далее ученый, ссылаясь на данные биологов, отмечал эмпирически установленный факт: «...половое созревание совпадает с окончанием общего органического созревания» [Там же, с. 170]. В этом факте русский врач и антрополог С.А. Вайсенберг (1867–1928), как и другие биологи, отмечал, что половое созревание совпадает с окончанием общего органического созревания. Согласно видению Л.С. Выготского, «эта связь, на биологическом значении которой мы уже останавливались, имеет и существенное психологическое значение. Половой инстинкт подростка потому и окультируется, что вызревает поздно и застает к моменту вызревания уже сложившуюся личность со сложной системой функций и аппаратом инстанций и процессов, с которыми вступает в сложное взаимодействие: с одной стороны, вызывает их перестройку на новой основе, а с другой – сам начинает проявляться не иначе, как сложно преломленный, переработанный и включенный в непростую систему этих отношений» [Там же].

Л.С. Выготский полагал: «У подростка к моменту вызревания полового инстинкта существует ряд установленных интеллектом и привычками тонких и слож-

ных функций. Инстинкт развивается в этом целом иным способом: *всё отражается в сознании, всё контролируется волей, и половое созревание идет как бы с двух концов – сверху и снизу...* На самом деле это единый по существу процесс, отраженный в высших формах сознания и поведения личности» (курсив мой. – В.М.) [44, с. 170–171].

Пути развития моторики младенца

Движения новорожденного побуждает иррадиация возбуждений в мозгу

И.П. Павлов как родоначальник бихевиоризма и физиологии

В своих суждениях о пути развития моторики младенца Л.С. Выготский вновь находился под влиянием современных ему отечественных физиологов. Он выражал понимание того, что путь развития моторики идет от массовых, групповых, охватывающих все тело целостных движений к дифференциации и обособлению отдельных двигательных актов, объединяющихся затем в новые единства более высокого порядка, от целого к частям. Таковы во всяком случае преобладающие у младенца инстинктивные движения [Там же, с. 292].

Соглашаясь с излагаемым видением существа дела, я бы хотела уточнить следующее. Движения новорожденного, скорее всего, неправильно считать инстинктивными. В это время еще не произошла миелинизация нервных путей в коре головного мозга, поэтому любой раздражитель побуждает к *иррадиации** возбуждений во все направления организма ребенка, в то время как *инстинкт*** – врожденная форма реагирования на определенные стимулы. Кроме того, не следует упускать из виду два фактора, которые, безусловно, определяют развитие и весьма отчетливо индивидуализируют его: речь идет о наследуемых признаках (генотипе) и о социальных условиях, в которые неизменно попадает новорожденный.

Следует обратить специальное внимание на суждения замечательного историка психологии – Михаила Григорьевича Ярошевского, который в своем предисловии («От автора») к книге «Наука о поведении: русский путь» писал: «Мои занятия историей психологической мысли издавна наталкивались на вопрос, с которым справиться не удавалось...» [45, с. 5]. Далее ученый разъяснял: «На протяжении всей истории вопрос об отношении психологии и физиологии неизменно был предметом дискуссий, порой очень острых, но столь же

* *Иррадиация* (лат. *irradiare* – испускать лучи) – в физиологии распространение процесса возбуждения (или торможения) в центральной нервной системе.

** *Инстинкт* (лат. *instinctus* – побуждение) – врожденная форма поведения, представляющая собой сложную цепь специально обусловленных действий.

Группа великих русских ученых создала новую науку – науку о поведении

Значение правильного прочтения поведения

Врожденные инстинкты могут быть подвергнуты культурному преобразованию

неизменно эти две области знания жестко разделялись, и ситуация с Павловым уникальна в том плане, что одно профессиональное сообщество (американское) считало его своим лидером, тогда как другое (физиологическое в России) – своим» [45, с. 7].

И далее М.Г. Ярошевский продолжал размышлять: «Коллизия была порождена тем, что не принималось во внимание возникновение в России еще одной – третьей – науки. Она не являлась ни физиологией, ни психологией. И группа великих русских ученых создала эту новую науку – *науку о поведении*. Но она, как явствует из сказанного выше, вправе претендовать на собственный, самостоятельный статус, отличный от предмета других наук лишь в том случае, если имеет особый, лишь ей присущий категориальный аппарат и собственные способы интерпретации основных объяснятельных принципов научного знания – детерминизма, системности, развития. И если эта предметная область нередуцируема к другим, в нашем случае – к физиологии и психологии. *На эту нередуцируемость обратил внимание обладавший абсолютным методологическим “слухом” Выготский* (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 7–8].

Под влиянием трудов Ч. Дарвина, И.М. Сеченова, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева возникло *учение об инстинктах и условных рефлексах как поведении*. К их исследованиям и обращался Л.С. Выготский. Он полагал, что за всеми описанными реакциями стоит *поведение*: «Надо изучать не рефлексы, а поведение – его механизм, состав, структуру» [46, с. 82].

Ученый писал: «*Все приспособления организмов к среде чрезвычайно легко разделить... на наследственные и ненаследственные, возникающие в процессе индивидуального опыта...*» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 185].

Л.С. Выготский ссылался на Ч. Дарвина, который объяснял наследственное изменение организма приспособлением, естественным отбором, и выражал с ним согласие: «Но наследственное изменение органов есть процесс весьма медленный, он и отвечает на медленное изменение среды. Организмы обладают еще способом гораздо более быстрого и гибкого приспособления к изменениям среды...» [Там же].

Сложившиеся в процессе эволюции врожденные инстинкты: *защитный; оборонительный; свободы; цели; пищевой; ориентировочный рефлекс “что такое?”; половой инстинкт* – сложные образования, которые могут быть подвергнуты культурному преобра-

зованию.

Л.С. Выготский писал: «И.П. Павлов различает рефлекс свободы, цели, пищевой, защитный. Но ведь видеть свободу или цель нельзя, не имеют они и органа, как, например, органы питания; не суть и функции; складываются из тех же движений, что и другие; защита, свобода, цель – суть смыслы этих рефлексов» [46, с. 350].

В другой своей работе Л.С. Выготский специально обсуждал половой инстинкт. Он писал: «...половой инстинкт представляет из себя самый могущественный биологический механизм сохранения рода...»* [47, с. 106], и там, где он иссякает, гаснет жизнь. Ученый полагал, что «психологически половой инстинкт представляет собой могущественный источник психических импульсов, страданий, наслаждений, желаний и радостей» [Там же].

Задача воспитания
полового инстинкта

Л.С. Выготский ставил задачу воспитания полового инстинкта [Там же, с. 106–111]. Он писал: «Проблема полового воспитания решалась всегда по-разному, но особенно трагические формы приняла она в самые последние десятилетия, когда буржуазная мораль, с одной стороны, условия культуры – с другой, вместе со строем воспитательной системы заводили в тупик и не давали никакой способности решения этой проблемы. Трудно представить себе что-либо более ужасное, чем половая жизнь в школе недавнего прошлого.

Половая проблема официально изгонялась из школьной жизни и предполагалась несуществующей. Это игнорирование половины проблемы приводило к борьбе со всякими проявлениями полового чувства, к объявлению всей этой области грязной и скверной, в ответ на что воспитанники отвечали неврозами, тяжелыми драмами или действительно загоняли в подполье величайшую силу человеческого тела... Отсюда все формы половых ненормальностей, которые так трагически подсекают самые корни жизни, находили себе место в школе» [Там же, с. 106–107].

У древних
философов половой
инстинкт
и творчество были
объединены образом
Эрота

Л.С. Выготский помнил, что древние греки связывали полового инстинкта и творчества объединяли в единый образ Эрота.

Как я вижу, эта амбивалентность образа Эрота была обвязана силе полового влечения и силе напряжения поэтического творчества и философской мысли. Платон

* При этом Л.С. Выготский, безусловно, апеллировал к Платону и к И.П. Павлову.

писал об Эроте, что он «олицетворение любви», «великий гений, удивительный и всеобъемлющий бог», «первоисточник величайших благ», «творец всего живого», «мудрость», «мужество, рассудительность и справедливость», «небесный и пошлый», «Эрот занят философией» и многое другое [48, с. 7–191].

Л.С. Выготский писал: «Давно замечено, что внутренняя секреция половых желез теснейшим образом связана с высшими формами человеческой деятельности, творчества и гения... Связь эту прекрасно понимали древние греки: тогда они называли Эросом не только силу полового влечения, но и напряжение поэтического творчества и философские мысли. Платон очень верно, хотя и в мифологической форме, выразил эту глубочайшую истину.

По его учению, самое низменное и самое возвышенное одинаково сочетаются в Эросе: «“Он беден, груб, грязен, валяется на земле без крова, и он же всегда в поисках добра и красоты – великий маг и чародей”*. <...> И не удивительно, что самый творческий возраст человека есть возраст цветущего пола» [47, с. 111].

Я бы выразила здесь сомнение: мой большой опыт работы с современными студентами университетов и аспирантами не подтверждает этой привлекательной мысли Л.С. Выготского. Сегодня изменилось отношение к половому поведению молодежи, оттого в своей массе молодежь лишает себя счастья отдаваться с головой творчеству и подниматься над дарованным эволюцией инстинктом.

Апеллируя к идеям древних греков, Л.С. Выготский утверждал: «Механизм воспитания полового инстинкта заключается в... сублимации... Давно замечено, что внутренняя секреция половых желез теснейшим образом связана с высшими формами человеческой деятельности, творчества и гения» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 110–111].

Начиная от древних мыслителей и в более поздние времена философы развивали идею сублимации. Л.С. Выготский писал: «Вторым источником сублимации, не менее богатым, чем личное творчество, могут служить социальные отношения, которые также являются как бы естественными каналами, по которым направляется сублимированный половой инстинкт.

«Самый творческий возраст человека есть возраст цветущего пола»

Значение сублимации

* Л.С. Выготский, однако, не считал нужным доподлинно процитировать слова Платона (см. Платон. Пир // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М., 1992. – С. 113).

Л.С. Выготский остановился на двух культурно-исторических условиях

К культурно-историческим условиям должен быть отнесен спорт

Культура – система создаваемых в истории условий развития и бытия человека

Внутренняя позиция человека и его поведение

Дружба и товарищество, глубокие привязанности и душевные связи, которые соединяют юношескую пору, не имеют ничего подобного себе ни в каком другом периоде человеческой жизни» [47, с. 111].

Л.С. Выготский остановился лишь на двух культурно-исторических условиях, поддерживающих тенденции культурного развития подростков и молодежи.

Нельзя забывать и другие источники культурного развития и совладания со стихией половых инстинктов. К социальным отношениям, помимо безусловной ценности юношеской дружбы, следует отнести множество молодежных инициатив: волонтерство, творческие объединения, стремление к совместному культурному развитию и многое другое.

Отдельным условием, сопрягающимся со всеми уже названными выше культурными условиями, должен быть назван спорт. Именно в спорте, в процессе телесной нагрузки (будь то легкая атлетика, теннис, футбол, гимнастика и др.) молодой человек развивается телесно и избавляется от подчас гнетущего темного напряжения, от состояния, которое однажды один подросток удачно обозначил словами: «плоть играет».

5. В истории человечества неизменно возникает передача эстафеты сущностно значимых идей

«Культурное развитие в культурной среде» – это чрезвычайно емкое понятие. Культура (*лат. cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие) – система создаваемых в истории условий развития и бытия человека, условий, содействующих движению человека к физическому, душевному и духовному акме при условии сформированной у него внутренней позиции по отношению к самому себе в мире, к близким людям и ко всему человечеству в целом.

«*Внутренняя позиция человека детерминирует его поведение*» – это мое видение значения внутренней позиции. Но здесь я пытаюсь размышлять об уникальной способности Л.С. Выготского к продуктивному для науки овладению значимыми идеями.

В этой связи хочу обратиться к неизменно повторяющимся мыслям Л.С. Выготского, который акцентировал внимание своих собеседников на проблеме «мышление как особо сложная форма поведения» [46, с. 190–213]. А в рамках этой проблемы психолог обсуждал и другие значимые проблемы науки: «Двигательная природа мыслительных процессов» [Там же, с. 190–193] и «Сознание, поведение и воля» [Там же,

с. 200–202].

Существует безусловная эстафета единого познавательного действия

Все значимые слова-понятия как эстафета единого познавательного действия были приняты Л.С. Выготским от И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и их учеников, осмыслены и продвинуты в сферы психологии. И далее все повторяется сначала...

Ныне появилось новое поколение ученых, которое стало преемником уже родившихся и утвердивших себя идей.

Л.С. Выготский работал в условиях, когда в науках о человеке начала нарастать угроза социально-исторического прессинга [49]. Однако, как писали его историки, «к счастью... ко времени травли его уже не было в живых».

Л.С. Выготский обладал колоссальной социальной интуицией и глубокой интеллектуальной проницательностью, благодаря которым он не мог не присоединиться к группе великих предшественников и не продолжить развивать науку о поведении.

Л.С. Выготский не мог не присоединиться к великим предшественникам и не продолжить развивать науку о поведении

В человеческой культуре неизменно существует передача эстафеты сущностно значимых идей

Я хочу выразить уверенность в том, что в человеческой культуре неизменно существует передача эстафеты сущностно значимых идей, открытый и тонких наблюдений, которые неизменно осуществляются в историческом времени на пространствах нашей маленькой планеты Земля.

*Этот факт связи людей, занятых размышлением над идентичными по сути своей проблемами, открыл-
ся мне как безусловный дар далеких и не очень по време-
ни действий предшественников.* С тех пор я уверена, что человечество несет в себе потенциал развития идей как некоего знания, проблемы которого могут мучить нас, человеков, и разрешаться в тысячелетиях. «Человек мыслящий» не знает устали в поисках ответов на мучающие его проблемы. *Homo sapiens* не одинок: он преемствует из глубины веков и современные ему идеи предшественников и транслирует продуманные и открытые им знания в будущее – новым поколениям человеков мыслящих.

Л.С. Выготский – один из числа миссионеров-мыслителей, идеи которого вошли в сферы Великого идеополя общественного самосознания. Он проявил уникальную способность к овладению значимыми для науки о человеке идеями и уникальным образом формулировал и транслировал в будущее свое индивидуальное видение влияния эволюции и социально-исторических условий на развитие человека как личности и на его поведение.

1. Выготский Л.С. Обучение и развитие в дошкольном возрасте // Умственное развитие детей в процессе обучения: сб. статей. – М.; Л., 1935.
2. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1986. – № 1. – С. 52–63 (1929).
3. Мухина В. Идеи и сверхидеи во времени и пространстве истории человечества: Социально-психологическая реальность развития и бытия личности // Развитие личности. – 2015. – № 3. – С. 90–116.
4. Мухина В.С. Личность: Миры и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2014.
5. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 45 т. Т. 3. – 2-е изд. – М., 1955.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи 1844 года // Соч.: в 45 т. Т. 42. – 2-е изд. – М., 1974.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч.: в 45 т. Т. 3. – 2-е изд. – М., 1955.
8. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. – М., 1983.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – 3-е изд., доп. и испр. / пер. с фр. А. Гофмана. – М., 2008.
10. Конт О. Дух позитивной философии. – СПб., 1910.
11. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении: пер. с фр. – М., 1994. – (Серия «Психология: Классические труды»).
12. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд: пер. с фр. – СПб., 1998.
13. Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие: пер. с фр. – 2-е изд. – М., 2012. – (Из наследия мировой социологии).
14. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении: пер. со 2-го, доп. и перераб. англ. издания. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1926.
15. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Избранные произведения: в 2 т. Т. I: Физиология и психология. – М., 1952. – С. 7–127.
16. Павлов И.П. Внутреннее торможение // Избранные произведения. – М., 1949. – С. 409–421.
17. Павлов И.П. Условный рефлекс // Избранные произведения. – М., 1949. – С. 516–532.
18. Павловские среды: протоколы и стенограммы физиологических бесед: в 3 т. Т. II. Стенограммы 1933–

1934 гг.

19. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. – М., 1991.
20. *Бюлер К.* Духовное развитие ребенка: пер. с 3-го нем. изд. – М., 1924.
21. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. – М.; Л., 1935.
22. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М., 1940.
23. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1946.
24. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976.
25. *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Научное наследство / под ред. М.Г. Ярошевского. – М., 1984. – (Акад. пед. наук СССР).
26. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь–август // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. – Л., 1983.
27. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 20. – М., 1961. – С. 343–628.
28. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 23. – М., 1960.
29. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1974.
30. *Энгельс Ф.* Анти-Дюiring // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 20. – М., 1961. – С. 5–342.
31. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор // Сочинения. Т. 5. – М., 1953. – С. 119–656.
32. *Дарвин Ч.* Записная книжка Чарльза Дарвина // Сочинения. Т. 3. – М.; Л., 1939.
33. *Сеченов И.М.* Физиология и психология // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1952.
34. *Сеченов И.М.* Психология поведения / под ред. М.Г. Ярошевского. – М.; Воронеж, 1995.
35. *Выготский Л.С.* Проблемы общей психологии // Собр. соч.: в 6 т. Т. 2 / под ред. В.В. Давыдова. – М., 1982.
36. *Беловол Е.В.* Рефлексия на выступления американских бихевиоральных педагогов и психологов (обзор докладов) // Развитие личности. – 2013. – № 3. – С. 122–132.
37. *Мухина В.С.* Американские коллеги – истинные представители традиционного бихевиоризма // Развитие личности. – 2013. – № 3. – С. 147–151.
38. *Павлов И.П.* Лекции о работе больших полуشا-

- рий головного мозга. – 3-е изд. – Л.; М., 1937.
39. Павлов И.П. Рефлекс цели // Мозг и психика: избранные психологические труды. – М., 2004. – С. 300–307. – (Серия «Психологи России»).
40. Павлов И.П. Рефлекс свободы // Мозг и психика: избранные психологические труды. – М., 2004. – С. 308–313. – (Серия «Психологи России»).
41. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М., 1991. – (Памятники психологической мысли).
42. Бехтерев В.М. Нервно-психические процессы // Проблемы развития и воспитания человека: избранные психологические труды. – М.; Воронеж, 1997. – С. 72–88.
43. Бехтерев В.М. Общая схема нервно-психических процессов // Проблемы развития и воспитания человека: избранные психологические труды. – М.; Воронеж, 1997. – С. 88–96.
44. Выготский Л.С. Педология подростка. Избранные главы // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. – М., 1984. – (Акад. пед. наук СССР)
45. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь: избр. психологические труды. – М.; Воронеж, 1996.
46. Выготский Л.С. Вопросы теории и истории психологии // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1 / под ред. А.Р. Лурии, М.Г. Ярошевского. – М., 1982.
47. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. – М., 1991.
48. Платон. Пир. Федр // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М., 1992. – С. 7–191.
49. Мухина В.С. Лев Семенович Выготский во времени истории: Социально-исторический прессинг и поиск путей // Развитие личности. – 2016. – № 4. – С. 10 –27.

References

1. Vygotskij L.S. Obuchenie i razvitiie v doshkol'nom vozraste. In: *Umstvennoe razvitiie detej v protsesse obucheniya*: sb. statej. Moscow; Leningrad, 1935. (in Russian)
2. Vygotskij L.S. Konkretnaya psihologiya cheloveka. In: *Vestnik MGU*. Seriya 14. Psihologiya. 1986. No. 1, pp. 52–63 (1929). (in Russian)
3. Muhina V. Idei i sverhidei vo vremeni i prostranstve istorii chelovechestva: Sotsial'no-psihologicheskaya real'nost' razvitiya i bytiya lichnosti. In: *Razvitiie lichnosti*. 2015. No. 3, pp. 90–116. (in Russian)
4. Muhina V.S. *Lichnost': Mify i Real'nost'* (Al'ternativnyj vzglyad. Sistemnyj podhod. Innovatsionnye

- aspeky). 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2014. (in Russian)
5. Marks K. Tezisy o Fejerbahe. In: *Marks K., Engel's F. Soch.* V 45 t. T. 3. 2-e izd. Moscow, 1955. (in Russian)
6. Marks K., Engel's F. Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda. In: *Marks K., Engel's F. Soch.* V 45 t. T. 42. 2-e izd. Moscow, 1974. (in Russian)
7. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya. In: *Marks K., Engel's F. Soch.* V 45 t. T. 3. 2-e izd. Moscow, 1955. (in Russian)
8. Vygotskij L.S. Iстория развития вышних психических функций. In: *Sobr. soch.* V 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psihiki. Moscow, 1983. (in Russian)
9. Dyurkgejm E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie.* 3-e izd., dop. i ispr. Per. s fr. A. Gofmana. Moscow, 2008. (in Russian)
10. Kont O. *Duh pozitivnoj filosofii.* St. Petersburg, 1910. (in Russian)
11. Levi-Bryul' L. *Sverh»estestvennoe v pervobytnom myshlenii.* Per. s fr. Moscow, 1994. (Seriya "Psihologiya: Klassicheskie trudy"). (in Russian)
12. Dyurkgejm E. *Samoubijstvo. Sotsiologicheskij etyud.* Per. s fr. St. Petersburg, 1998. (in Russian)
13. Kettle A. *Sotsial'naya sistema i zakony, eyu upravlyayushchie.* Per. s fr. 2-e izd. Moscow, 2012. (Iz naslediya mirovoj sotsiologii). (in Russian)
14. Uotson Dzh. *Psihologiya kak nauka o povedenii.* Per. so 2-go, dop. i pererab. angl. izdaniya. Odessa: Gos. izd-vo Ukrainskogo universiteta, 1926. (in Russian)
15. Sechenov I.M. Refleksy golovnogo mozga. In: *Izbrannye proizvedeniya.* V 2 t. T. I: Fiziologiya i psihologiya. Moscow, 1952, pp. 7–127. (in Russian)
16. Pavlov I.P. Vnutrennee tormozhenie. In: *Izbrannye proizvedeniya.* Moscow, 1949, pp. 409–421. (in Russian)
17. Pavlov I.P. Uslovnyj refleks. In: *Izbrannye proizvedeniya.* Moscow, 1949, pp. 516–532. (in Russian)
18. Pavlovskie sredy: protokoly i stenogrammy fiziolicheskikh besed. V 3 t. T. II. Stenogrammy 1933–1934 gg. (in Russian)
19. Bekhterev V.M. *Ob»ektivnaya psihologiya.* Moscow, 1991. (in Russian)
20. Byuler K. *Duhovnoe razvitiye rebenka.* Per. s 3-go nem. izd. Moscow, 1924. (in Russian)
21. Rubinshtejn S.L. *Osnovy psihologii.* Moscow; Leningrad, 1935. (in Russian)
22. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psihologii.* Moscow, 1940. (in Russian)
23. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psihologii.* 2-e

- izd., ispr. i dop. Moscow, 1946. (in Russian)
24. Rubinshtejn S.L. Chelovek i mir. In: *Problemy obshchej psihologii*. 2-e izd. Moscow, 1976. (in Russian)
25. Vygotskij L.S. Orudie i znak v razvitiu rebenka. In: *Sobr. soch.* V 6 t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo. Pod red. M.G. Yaroshevskogo. Moscow, 1984. (Akad. ped. nauk SSSR). (in Russian)
26. Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya za 1877 god. Yanvar'–avgust. In: *Poln. sobr. soch.* V 30 t. T. 25. Leningrad, 1983. (in Russian)
27. Engel's F. Dialektika prirody. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* V 50 t. T. 20. Moscow, 1961, pp. 343–628. (in Russian)
28. Marks K. Kapital. T. 1. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* V 50 t. T. 23. Moscow, 1960. (in Russian)
29. Gegel' G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk.* T. 1. Nauka logiki. Moscow, 1974. (in Russian)
30. Engel's F. Anti-Dyuring. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* V 50 t. T. 20. Moscow, 1961, pp. 5–342. (in Russian)
31. Darvin Ch. Proiskhozhdenie cheloveka i polovoj otbor. In: *Sochineniya. T. 5.* Moscow, 1953, pp. 119–656. (in Russian)
32. Darvin Ch. Zapisnaya knizhka Charl'za Darvina. In: *Sochineniya. T. 3.* Moscow; Leningrad, 1939. (in Russian)
33. Sechenov I.M. Fiziologiya i psihologiya. In: *Izbrannye proizvedeniya. T. 1.* Moscow, 1952. (in Russian)
34. Sechenov I.M. *Psihologiya povedeniya.* Pod red. M.G. Yaroshevskogo. Moscow; Voronezh, 1995. (in Russian)
35. Vygotskij L.S. Problemy obshchej psihologii. In: *Sobr. soch.* V 6 t. T. 2. Pod red. V.V. Davydova. Moscow, 1982. (in Russian)
36. Belovol E.V. Refleksiya na vystupleniya amerikanskih bihevioral'nyh pedagogov i psihologov (obzor dokladov). In: *Razvitie lichnosti.* 2013. No. 3, pp. 122–132. (in Russian)
37. Muhina V.S. Amerikanskie kollegi – istinnye predstavители traditsionnogo biheviorizma. In: *Razvitie lichnosti.* 2013. No. 3, pp. 147–151. (in Russian)
38. Pavlov I.P. *Lektsii o rabote bol'shih polusharij golovnogo mozga.* 3-e izd. Leningrad; Moscow, 1937. (in Russian)
39. Pavlov I.P. Refleks tseli. In: *Mozg i psihika: izbrannye psihologicheskie trudy.* Moscow, 2004, pp. 300–307. Seriya "Psihologi Rossii". (in Russian)
40. Pavlov I.P. Refleks svobody. In: *Mozg i psihika: izbrannye psihologicheskie trudy.* Moscow, 2004, pp. 308–

313. Seriya “Psihologi Rossii”. (in Russian)
41. Bekhterev V.M. *Ob»ektivnaya psihologiya*. Moscow, 1991. Pamyatniki psihologicheskoy mysli. (in Russian)
42. Bekhterev V.M. Nervno-psihicheskie protsessy. In: *Problemy razvitiya i vospitaniya cheloveka: izbrannye psihologicheskie trudy*. Moscow; Voronezh, 1997, pp. 72–88. (in Russian)
43. Bekhterev V.M. Obshchaya skhema nervno-psihicheskikh protsessov. In: *Problemy razvitiya i vospitaniya cheloveka: izbrannye psihologicheskie trudy*. Moscow; Voronezh, 1997, pp. 88–96. (in Russian)
44. Vygotskij L.S. Pedologiya podrostka. Izbrannye glavy. In: *Sobr. soch.* V 6 t. T. 4. Detskaya psihologiya. Pod red. D.B. El'konina. Moscow, 1984. (Akad. ped. nauk SSSR) (in Russian)
45. Yaroshevskij M.G. *Nauka o povedenii: russkij put'*: izbr. psihologicheskie trudy. Moscow; Voronezh, 1996 (in Russian).
46. Vygotskij L.S. Voprosy teorii i istorii psihologii. In: *Sobr. soch.* V 6 t. T. 1. Pod red. A.R. Lurii, M.G. Yaroshevskogo. Moscow, 1982. (in Russian)
47. Vygotskij L.S. *Pedagogicheskaya psihologiya*. Pod red. V.V. Davydova. Moscow, 1991. (in Russian)
48. Platon. Pir. Fedr. In: *Sobr. soch.* V 4 t. T. 2. Moscow, 1992, pp. 7–191. (in Russian)
49. Muhina V.S. Lev Semenovich Vygotskij vo vremeni istorii: Sotsial'no-istoricheskij pressing i poisk puti. In: *Razvitiye lichnosti*. 2016. No. 4, pp. 10–27. (in Russian)